

тулонии – 630-х годов, Джессери из Вольтерры – третьей четверти VII в., Ау-рели – II, Болонии – последней четверти VII в.⁵⁷

Так завершается история Тартесса и его взаимоотношений с финикийцами и другими народами Восточного Средиземноморья. Таковы основные проблемы и достижения в истории изучения современным антиковедением Испании «загадки» Тартесса и истоков финикийской колонизации*.

ORIGINES OF THE PHOENICIAN COLONIZATION IN THE WESTERN MEDITERRANEAN AND THE KINGDOM OF TARTESSOS. THE STATE OF THE PROBLEM

J. M. Blázquez Martínez

The author presents a historiographical survey of the problem of the Phoenicians' commercial and colonial activity on the Iberian Peninsula, of their contacts with Tartessos and its allies, the Greeks. Special attention is paid to the analysis of the modern approaches to the problem of the so-called Phoenician pre-colonization, as well as to the geography, the essence, local peculiarities and the scope of Phoenician influence on the Iberian Peninsula. According to the author, the greatest achievement of the last decade is connected with the introduction of the term «Tartessization» and with defining the civilization of Tartessos as a variant of local culture which sprang up and existed on the vast territory in the South Pyrenean Peninsula from Alicante in the east to the Atlantic coast in the west under various influences of eastern and western Phoenicians in the 8th–7th centuries BC. An important part belonged also to the process of acculturation supported actively by the indigenous elites.

© 2004 г.

В. И. Козловская

КОМПЛЕКС КАНЧО РОАНО В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОЙ АРХЕОЛОГИИ: РЕЗИДЕНЦИЯ ТАРТЕССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЯ ИЛИ КРЕПОСТЬ-СВЯТИЛИЩЕ?*

Со времени I симпозиума, посвященного Тартессу и его культуре (Херес, 1968)¹, испанским антиковедением достигнут большой прогресс в изучении тартессийской загадки. Главную роль в этом сыграла археология и, в первую очередь испанская, сумевшая учесть основной вывод симпозиума о необходимости интенсификации археологических изысканий на юге Пиренейского полуострова и использования современных методик анализа проблемы². Значительную лепту внесли также немецкие специалисты, имеющие свой Археологический институт в Мадриде и большой практический опыт работы.

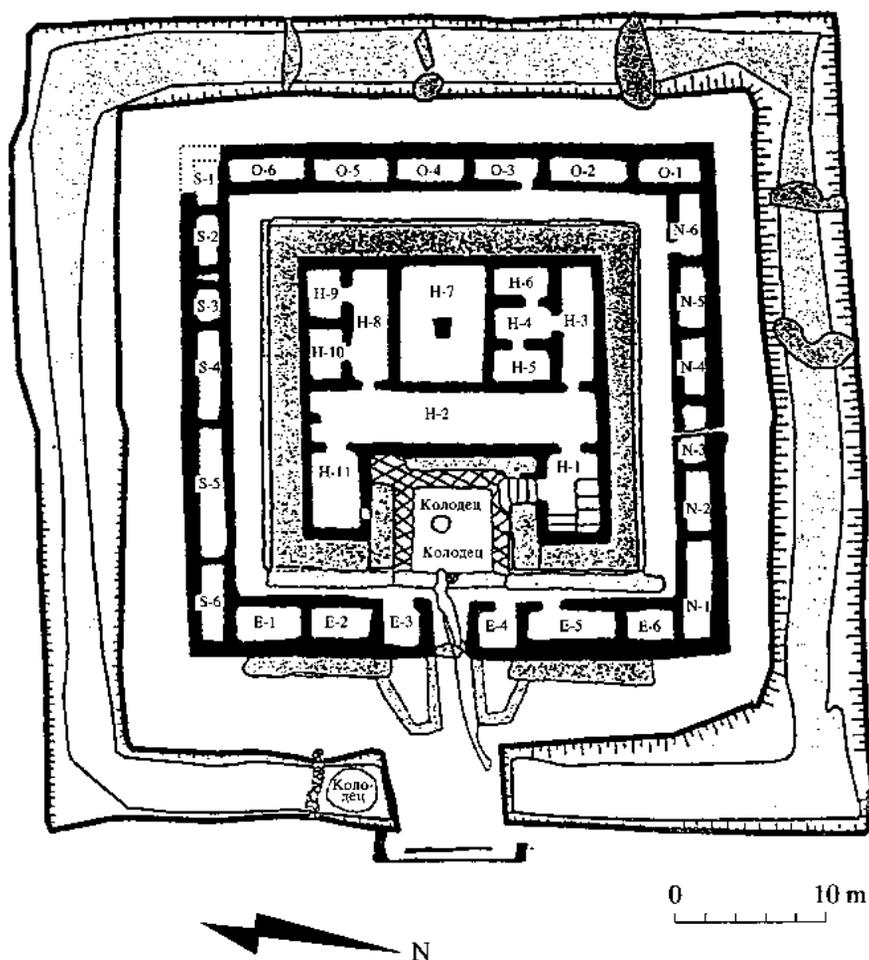
⁵⁷ *Cristofani, Martelli. L'oro degli etruschi. P. 80–123, 254–275.*

* Перевод В.И. Козловской.

Работа выполнена по индивидуальному исследовательскому проекту (грант РФФИ-2004. № 04-06-80095).

¹ *Tartessos y sus problemas // V Symposium Internacional de Prehistoria Peninsular. Jerez de la Frontera, septiembre 1968 / Ed. J. Maluquer de Motes. Barcelona, 1969.*

² Об этом подробнее см. *Maluquer de Motes J. Tartessos y su historia // Tartessos y sus problemas. P. 406.*

Комплекс Канчо Роано (по: Celestino S. (ed.), Merida, 2003. P. 295)

Венцом усилий археологов можно считать открытие в 1978 г. в Канчо Роано монументального сооружения эпохи поздней бронзы – раннего железа (Х. Малуер де Мотес)³. Уникальность памятника сразу же поставила вопрос о его предназначении. Этот вопрос по сей день является важнейшим для всех, кто изучает протоисторическую эпоху юга Пиренейского полуострова, поскольку очевидно, что от варианта реконструкции монумента, восстановления его как целостной системы и определения механизма функционирования этой системы зависит во многом разгадка тартессийского феномена как такового. Не знаю, можно ли в действительности воспринимать Канчо Роано в качестве ключа, повернув который в нужном направлении, можно войти в тот самый сложный и интересный мир, который еще в античной традиции был назван Тартессом. Возможно, Канчо Роано является скорее зеркалом, в котором нашел свое отражение застывший для вечности лик Тартессиды – страны, народов, ее населявших, их культуры и религиозного менталитета.

³ Maluquer de Motes J. El santuario prehistórico de Zalamea de La Serena // Badajoz. I. Barcelona, 1981; *idem*. El santuario prehistórico de Zalamea de La Serena // Badajoz. II. Barcelona, 1983.

Комплекс (рис.) располагается в низине, в 50 м от небольшой речки Каганчи и на расстоянии 40 км от среднего течения полноводной Гвадианы. Основным занятием туземных сообществ этого региона являлось сельское хозяйство – земледелие и пастбищное скотоводство. С другой стороны, наличие таких дефицитных полезных ископаемых, какими во все времена были и являются свинец и серебро, а также большие отвалы пустой породы, сохранившиеся от доримской эпохи, свидетельствуют о том, что обитатели бассейна Гвадианы занимались также добычей и переработкой металлов. Вероятно, с их деятельностью именно в этой высоко рентабельной сфере производства было связано появление тех дорог, которые в короткие сроки превратились в важнейшие магистральные артерии, связавшие некогда сугубо аграрный регион с эмпориями юга и востока Пиренейского полуострова – как туземными, типа Уэльвы, так финикийскими (Гадес) и греческими (Эмпорион, Малага). Судя по большому сосредоточению керамики, которая начиная с VI в. до н.э. регулярно прибывала в Канчо Роано и соседствовавшие с ним прибрежные центры из Восточного Средиземноморья, Великой Греции и Этрурии, интерес к региону и его ресурсам в эту эпоху резко возрос.

Современной археологии известны три периода жизни комплекса Канчо Роано, однако основные усилия его исследователей продолжают концентрироваться вокруг последнего из них, относимого ими к V в. до н.э. и остатки которого оказались погребенными под большой толщей земли, образовавшей с течением времени самый высокий и огромный в диаметре холм бассейна Гвадианы.

Х. Малукер де Мотес, первым раскопавший этот холм, обнаружил руины большого прямоугольного здания общей площадью в 522 м^2 ($22,7 \times 22,0 \text{ м}$). Вход в строение был ориентирован строго на восток или, как подчеркнул исследователь, к восходящему солнцу⁴. По планировке здание предстало перед открывателем как некое двуединое целое: его главной части – нефа $3,3 \text{ м}$ шириной, расположенного по оси север – юг, и серии примыкавших к нефу с запада различных, но всегда меньших по размерам помещений. Главное из них, длинное и узкое, было сооружено, как и центральный неф, из необработанного камня белого цвета и имело пол плотной трамбовки, выложенный плитами белого известняка. Вход в здание осуществлялся с востока, а во внутренние помещения – из центрального нефа. Северо-западный угол занимали три небольших помещения, боковые из которых были связаны с центральным посредством длинного узкого коридора ($7,2 \times 2,0 \text{ м}$) с одним широким проемом. Руководствуясь принципом симметрии, Х. Малукер де Мотес высказал предположение о том, что в юго-западной части комплекса также должна была существовать подобная группа помещений с общей площадью приблизительно в 27 м^2 , практически не сохранившихся из-за траншеи, которая была проложена кладовщиками эпохи средневековья⁵.

В восточной части комплекса находился двор, занимавший площадь в 100 м^2 и представлявший собой сооружение с антами. Его замыкали два массивных выступа, северный из которых служил входом в собственно здание. Двор по периметру имел три широкие каменные лавки – скамьи, а вдоль всего комплекса располагалась двухметровая по ширине терраса, придававшая ему дополнительную монументальность.

⁴ *Idem.* El santuario... 1981. P. 265.

⁵ Подробнее см. *Ibid.* P. 141–142.

Основное сооружение имело подземную часть, но ее площадь, вход и характер Х. Малукер де Мотес затруднился определить из-за чрезвычайно плохой сохранности. По его предположению, это могла быть крипта, погребальная камера или даже целый этаж, идентичный наземной части комплекса по своей площади и расчлененный на святилищную и погребальную зоны⁶.

В качестве крыши зданию служила верхняя терраса. Над ее главным нефом должно было возвышаться небольшое и прямоугольное в плане строение с собственным входом – лестницей, состоявшей из семи ступеней, – устроенным с запада. Х. Малукер де Мотес считает, что это был погребальный алтарь, или главное *ustrina* комплекса. На нем ритуальному сожжению подвергались трупы верующих, а пепел захоранивали в соседнем некрополе или где-то в близлежащей округе⁷.

Эти соображения заслуживают внимания, поскольку известно, что на протяжении всей истории жизни здания и после его разрушения к северу и востоку от него действительно существовал некрополь с погребальным обрядом в виде трупосожжения. Х. Малукер де Мотес указывает, что некрополь мог быть изолирован от комплекса посредством прохода двухметровой ширины, проложенного по периметру этого комплекса и замкнутого внешней стеной 0,6 м ширины. Этот проход, напоминающий по своей конфигурации высокую платформу и соединявший собственно здание и некрополь, по мысли Х. Малукера де Мотеса, должен был являться одновременно и священной зоной⁸.

Никаких других археологических объектов, синхронных комплексу, Х. Малукером де Мотесом выявлено не было, хотя он и осуществил серию зондажей с целью определения, не был ли связан дворец-святилище с каким-либо поселением. Оказалось, что ближайшее поселение находилось на противоположном берегу р. Оттигас и было отделено от Канчо Роано 2 км по прямой.

Х. Малукер де Мотес определил выявленный им комплекс как пятиметровой высоты здание-крепость «сеньориального типа», воздвигнутое по модели северосирийских *hilani* и по заказу одного из туземных, «религиозно экзальтированных царьков»⁹. Архитектор, будучи весьма образованным человеком, не повторил ни одного из известных на Пиренейском полуострове (а также в Центральном и Западном Средиземноморье) образцов сооружений подобного типа, хотя они и были знакомы ему настолько, что он воспользовался отдельными техническими приемами при возведении своего «детища». В столь монументальном и оригинальном комплексе, воздвигнутом в середине VI в. до н.э. в честь некоего божества и являвшемся его дворцом-храмом на протяжении по крайней мере 150 лет, регулярно отправлялся его культ. Х. Малукер де Мотес отнес это божество к разряду хтонических и принадлежавших подземному миру – тех, которые принимали души умерших, даруя им воскресение. Это было двуполое по своей природе и двуединое по характеру божество, завершавшее земную жизнь человека для того, чтобы подарить ему жизнь вечную. Х. Малукер де Мотес уподобил это божество Солнцу, в сторону восхода которого был ориентирован своим входом дворец. Итак, «неоориентальный» дворец по архитектуре и функциям, святилище по предназначению – таким увидел Х. Малукер де Мотес монументальное сооружение в Канчо Роано¹⁰.

⁶ Об этом см. *Maluquer de Motes. El santuario...* 1983. P. 272.

⁷ *Ibid.* P. 273.

⁸ Подробности см. *Ibid.* P. 273.

⁹ *Ibid.* P. 279.

¹⁰ *Ibid.* P. 277, 284.

Комплекс прекратил свою жизнь в пожаре, о происхождении которого, как считает его первооткрыватель, можно лишь высказывать догадки: был он случайным или спровоцированным сознательно. Однозначным представляется лишь факт использования руин комплекса для продолжения ритуально-погребальной практики трупосожжения еще на протяжении жизни одного поколения, т.е. в течение первой четверти IV в. до н.э., поскольку *in situ* им было обнаружено множество греческой керамики соответствующего времени¹¹.

Подводя итоги своим размышлениям и реконструкциям, Х. Малукер де Мотес не исключает того, что дальнейшее археологическое изучение долины Гвадианы и Гвадалквивира вполне может снять покров экстраординарности с комплекса Канчо Роано путем выявления иных сооружений подобного типа¹².

Новые варианты осмысления проблемы Канчо Роано появились лишь в 1990-х годах. Они связаны с именами М. Альмагро Горбеа и Ф. Лопеса Пардо¹³. Ф. Лопес Пардо, в целом положительно восприняв выводы Х. Малукера де Мотеса, предложил, однако, еще более дифференцированный подход в оценке характера и роли комплекса¹⁴. По его мнению, обилие греческой керамики первой четверти IV в. до н.э. не может служить подтверждением версии Х. Малукера де Мотеса о греках как основателях этого сооружения, даже если они и были, как допускает последний, выходцами из ближневосточной Аль-Мины. Критика Ф. Лопесом этого предположения своего предшественника построена на основе близкого ему по времени вывода труда А. Грэхэма¹⁵ о том, что Аль-Мина, вероятнее всего, была основана финикийцами и не являлась колонией греков. Ф. Лопес Пардо указывает, что те греки, которые бывали в ней с торговыми целями, не могли перенести финикийскую модель на Дальний Запад. К тому же греческий импорт Канчо Роано не представляется ему сколько-нибудь важным среди общего числа находок, ибо основную часть их составляют килики (117 экз.) и три скифоса¹⁶, что не идет ни в какое сравнение с набором финикийской керамики и изделиями из слоновой кости, скарабеями, печатями и т.д.

На основании обилия и разнообразия финикийской и пунийской продукции Ф. Лопес Пардо соотносит Канчо Роано с колониями финикийцев юга Пиренейского полуострова, с которыми комплекс действительно всегда был тесно связан¹⁷. Греческий импорт мог поступать в Канчо Роано из финикийского Гадеса, который занимался распределением торговой продукции и ее распространением по южной части Иберийского полуострова. Логика, а также аргументация, построенная на разнообразном материале источников, приводят автора к мысли о том, что скорее всего именно восточносредиземноморские финикийцы, а не греки принесли на Дальний Запад модель комплекса типа «святилища-рынка» и способствовали ее воплощению в Канчо Роано. Возможно, что они же соорудили и сам комплекс, возведя его, однако, не для туземного правителя, а ради удовлетворения собственных потребностей, подобно тому как это было сделано ими в Телль Халафе, Телль Тайнате, а также в Гадесе, Утике, Ликсе и

¹¹ *Ibid.* P. 276–277.

¹² *Ibid.* P. 274.

¹³ Справедливости ради следует упомянуть также о работе А. Бланко (*Blanco A. El enigma de Cancho Roano // Investigación y ciencia. Madrid, 1982. 1. P. 42–43*).

¹⁴ *López Pardo F. Sobre la función del edificio singular de Cancho Roano (Zalamea de La Serena, Badajoz) // Géron. 1990. 8. P. 141–162* (в частности с. 146).

¹⁵ См. *Graham A.J. The Historical Interpretation of Al Mina // DHA. 1983. 12. P. 51–65*.

¹⁶ *López Pardo. Op.cit. P. 147*.

¹⁷ *Ibid.* P. 147–148 (со ссылкой на: *Fernández Jurado J. La presencia griega arcaica en Huelva // Huelva. 1985. P. 65*).

позднее на Родосе, Фасосе и в Пирге. Ф. Лопес Пардо приводит чрезвычайно интересный документ – этрусско-финикийскую билингву конца VI – начала V в. до н.э. из Пирги, в которой говорится о том, что Zilach посвящает храм или один из его нефов богине Астарте, оказывая, таким образом, явное покровительство торговой деятельности финикийцев и пунийцев как ориентированной на местные, этрусские власти¹⁸.

Идея Ф. Лопеса Пардо о том, что комплекс Канчо Роано был святилищем и одновременно рынком, представляется весьма плодотворной. Занимаясь архаической греческой колонизацией Центрального и Западного Средиземноморья, могу добавить, что и греки следовали этому стандарту, основывая в местах, наиболее важных для своих сограждан-торговцев, храмы, которые наделялись также коммерческими и посредническими функциями. С этой целью они, как и финикийцы, испрашивали волю оракула у себя на родине, а для основания святилища-рынка отправлялись в сопровождении жрецов – служителей культа, патронов и арбитров торгово-посреднической деятельности. Торговыми агентами-посредниками выступали финикийцы юга Пиренейского полуострова, которые к 600 г. до н.э. установили тесные связи с поставщиками золота и олова из Верхней Экстремадуры и Месеты и открыли новые торговые пути к зонам их добычи. Вследствие легкости эксплуатации эти дороги вскоре стали наиболее людными и выгодными для контролировавших их финикийцев, постепенно оседавших в их наиболее стратегически важных «узлах». К числу таковых автор не без оснований отнес и Канчо Роано¹⁹.

Открытие финикийцами новых торговых артерий Ф. Лопес Пардо объясняет теми геополитическими изменениями, которые произошли около 600-х годов в Восточном Средиземноморье и, конкретно говоря, в Финикии и которые вызвали коллапс тартессийского «рынка-производителя» и необходимость поиска путей выхода из него, предпринятый тартессийскими вождями. Они немедленно расторгли отношения с финикийцами Гадеса, которые оказались, таким образом, вынужденными искать новые пути – подступы к металлам долины Гвадианы и Тахо. Гадитане и их партнеры, судя по знакам собственности на местной таре, стремительно проникают в туземную среду. Они поселяются в качестве инквизилов в туземных центрах (например в Мсдельине); путем постройки комплексов типа Канчо Роано располагают к себе местных правителей, превращая тем самым центры их обитания (в иных случаях и собственного) в свои стабильные транзитные пункты на открытых ими же новых торговых путях.

Эта деятельность вполне вписывается, по мнению Ф. Лопеса Пардо, в общую структуру и организацию финикийцами своей колониальной торговли. Действительно, благодаря современной археологии известно, что финикийцы обычно стремились к максимальному приближению к тем туземным рынкам, которые являлись напрямую связанными с горнорудными центрами, для того, чтобы *in situ* и, следовательно, по наиболее дешевым ценам получать искомый продукт, минуя при этом стадию его непосредственной добычи и первичной обработки. Таким образом, их интересовал контроль не столько над туземными торговыми путями, сколько туземные торговые рынки, для связи с которыми они были готовы открывать новые пути, располагать на них свои транзитные пункты и возводить для себя или для своих союзников – местных правителей – такие комплексы (святилища-рынки), к каковым Ф. Лопес Пардо склонен отнести и

¹⁸ López Pardo. Op. cit. P. 147, 158 (resp.).

¹⁹ Ibid. P. 155.

Канчо Роано – финикийский торговый комплекс, который имел свои склады и лавки для хранения и продажи товаров, ввозившихся из различных центров юга Пиренейского полуострова, располагал помещениями для очистки и взвешивания драгоценных металлов, а также залом-святилищем для отправления религиозного культа. К тому же комплекс был хорошо укреплен²⁰.

Ф. Лопес Пардо признает, что эта версия имеет свои «contra», основным из которых является отсутствие каких-либо материальных следов культа, за исключением того, что на верхней террасе вполне мог существовать алтарь. Тем не менее она кажется ему гораздо более приемлемой, чем тезис о строительстве комплекса в Канчо Роано богатыми финикийскими торговцами в дар какому-то местному вождю, подобно тому, как они изготовили с аналогичной целью комплект драгоценностей, известный современной науке как клад из Алиседы²¹. Материальными основаниями для подобной трактовки комплекса могло бы служить наличие большой и сложной системы жилых помещений и «приличествующие» для их использования каким-либо правителем архитектура и убранство. В своих контактах с финикийскими торговцами туземные вожди вполне могли использовать этот комплекс (если принять вторую версию Ф. Лопеса Пардо) как место для деловых встреч и заключения торговых сделок, гарантируя им, в свою очередь, прямой доступ к местным сырьевым ресурсам и рынкам их сбыта.

Как бы то ни было, заключает Ф. Лопес Пардо, комплекс Канчо Роано был самым непосредственным образом связан с торговлей и своеобразными формами ее осуществления на дальнем Средиземноморском Западе. В этом он видит сходство обеих избранных для обсуждения гипотез. С этим выводом трудно не согласиться, а поэтому отмечу лишь, что для дополнительного обсуждения Ф. Лопес Пардо оставил важный вопрос о том, каким образом осуществлялась финикийско-туземная торговля в бассейне Гвадианы и, конкретно говоря, в Канчо Роано. На территории храма? В дворцовом комплексе? Сам автор, как уже указывалось, склоняется к первому варианту ответа, опираясь при этом на внешние аналогии комплекса и историю развития финикийцами своей торговой и колониальной деятельности в Центральном и Западном Средиземноморье; с другой стороны, он осознает, что прямая аргументация пока отсутствует.

М. Альмагро Горбеа, сторонник метода *ad fontes*, обратился к последовательному анализу всех тех археологических материалов, которые были выявлены раскопками Х. Малукера де Мотеса, чтобы по их местоположению и принадлежности определить сначала характер каждого помещения, а затем (по совокупности и в сравнении с типологически близкими комплексами Восточного Средиземноморья) – всего сооружения Канчо Роано²². В результате он пришел к выводу, что этот комплекс следует считать дворцовым²³. Его северо-западная часть, для которой характерно наибольшее сосредоточение предметов убранства, драгоценностей и остатков дорогой мебели, а также пиршественной керамики (в частности, греческих киликов, чаш типа *Castelo* и амфор (скорее всего, для транспортировки и хранения вина), должна была быть жилой; она состояла из спальни с альковом и зала для деловых встреч и застолий (помещения 4–6). Эта

²⁰ Ibid. P. 158.

²¹ Ibid. P. 161.

²² *Almagro Gorbea M. Cancho Roano. Un palacio orientalizante en la Península Pirenaica // MM. 1990. 33. S. 251–253.*

²³ Ibid. P. 256–259. Об этом же см. *Almagro Gorbea M. Tarteso desde sus áreas de influencia: la sociedad palacial en la Península Ibérica // Los enigmas de Tarteso / Ed. J. Alvar y J.M. Blázquez. Madrid, 1993. P. 141.*

часть дворца имела длинный коридор (помещение 3), в котором находки практически отсутствуют. Юго-западная зона служила торговым целям (помещения 8–10), имела склады и место для хранения инвентаря. В помещении 8 сохранились *in situ* металлические сосуды и жаровни, комплект конской сбруи, четыре гири, а в помещениях 9–10 – многочисленных амфоры (более 20 целых сосудов), разнообразный инструментарий (сельскохозяйственный, ремесленный) и гири. Помещение 7 оказалось полностью лишенным каких-либо находок, исключение составила высокая стела (1,75 м), обнаруженная в его центральной части. Однако, являясь центральным и значительным по своим размерам, оно могло быть святилищем (в котором стела служила алтарем), местом отправления культа династическим божествам либо тронным залом владыки комплекса²⁴.

Длинное помещение, ориентированное по оси север–юг, служило вестибюлем – коридором, по которому осуществлялся вход в центральную, северо-западную и юго-западную зоны дворца. В то же время северная часть помещения могла использоваться для хозяйственных потребностей: приготовления пищи (так как в его северной части найдены очаг и кухонная утварь), помола зерна с использованием ручных мельниц (которых в общей сложности найдено более 30), хранения зерна, муки и иных продуктов питания. Помещения 11 и 1 М. Альмагро Горбеа предлагает считать башнями, так как это были сильно укрепленные выступы, которые как бы фланкировали с севера и юга большой двор. В то же время помещение 11 могло являться сокровищницей или хранилищем особо ценных вещей – печатей, драгоценностей и т.д.²⁵ Через хорошо защищенное помещение 1 осуществлялся вход в вестибюль дворца и на второй этаж. Здесь же находилась стража, которой мог принадлежать найденный в нише между помещением 1 и вестибюлем комплект оружия – кинжал в ножнах, нож, два наконечника для копья, щит и меч, т.е. полный воинский набор-паноплия. Однако М. Альмагро допускает и иное, весьма интересное объяснение факту наличия паноплии во входном помещении, считая, что она могла принадлежать самому владельцу дворца и быть выставленной при входе в вестибюль как символ его сеньориальной власти, воинских доблестей и авторитета²⁶.

Большой двор, открытый к востоку, должен был использоваться (по типу айванов восточных дворцов) для особо торжественных случаев – процессий, презентаций, ритуальных священнодействий (типа епифании) и, возможно, служил также местом официальных встреч, для проведения которых по периметру двора и под деревянным навесом были сооружены каменные скамьи-лавки. Здесь же правитель мог принимать дары и налоги от своих подданных²⁷.

Особые затруднения вызывает характеристика второго этажа, его планировки и предназначения, однако, как считает М. Альмагро, он явно наличествовал, и с него – при его разрушении – могла упасть большая серия самых различных вещей, в том числе предметы роскоши, украшения, печати, мебель. Какая-то его часть должна была служить кладовой или складом²⁸.

Специальный интерес проявляет М. Альмагро Горбеа к вопросу о том, как комплекс закончил свое существование. Исследователю кажется наиболее приемлемой гипотеза о внезапном пожаре и бегстве его обитателей, второпях оставивших, разбросавших или потерявших по дороге множество драгоценных ве-

²⁴ *Idem.* Cancho Roano... P. 294.

²⁵ *Ibid.* P. 274; *idem.* Tarteso... P. 141.

²⁶ *Idem.* Cancho Roano... P. 274.

²⁷ *Idem.* Tarteso... P. 141.

²⁸ *Idem.* Cancho Roano... P. 275, 277, 294.

шей, инсигний и предметов культа²⁹. Обгоревшие тела шести женщин и одного мужчины – это жертвы пожара, а не люди, принесенные в дар божеству, как допустил в свое время Х. Малукер де Мотес³⁰. Рассуждая о причинах пожара, М. Альмагро считает, что он не мог быть спровоцирован ни неприятелем (так как комплекс остался не разграбленным), ни стихией (поскольку сооружение находится вдали от полноводной Гвадианы и в сейсмичной зоне). В результате он принимает версию Х. Малукера о намеренном разрушении комплекса в Канчо Роано: пожар начался в святая святых и мгновенно охватил большую часть сооружения, которая впоследствии даже не была восстановлена. Он солидаризируется со своим предшественником и в определении характера пожара как ритуальной акции³¹.

Восстановление картины жизни и гибели дворцового комплекса Канчо Роано не явилось окончательной целью исследования М. Альмагро Горбеа. Он концентрирует свой исследовательский интерес, арсенал источников, добытых в результате анализа материальных остатков дворцового интерьера, и возможности сравнительно-исторического метода на вопросе о фигуре владыки комплекса, его месте в обществе и его исторической миссии³². По его мнению, это был человек, вполне утоливший жажду богатства и познавший самые сложные способы его приобретения. Разнообразие и великолепие предметов личного пользования, принадлежащих к тому же к различным эпохам и знаменитым центрам производства (слоновая кость, алабастры, дорический арибалл из Накратиса и т.д.), могут свидетельствовать, по мнению М. Альмагро Горбеа, о наличии семейной собственности и о факте ее передачи по наследству. Следовательно, власть хозяина комплекса вполне могла быть династической и восходить к VI в. до н.э. по крайней мере. С другой стороны, дорогая паноплия и прекрасный набор конской сбруи отражают военный характер власти правителя³³. Обе характеристики вполне совпадают с тем, что известно об организации власти в туземном мире полуострова – как тартессийском, так и иберийском – эпохи расцвета ориентализирующего периода. Богатство отдельных захоронений, содержащих идентичные наборы предметов роскоши, оружия, сбруи и даже колесницы, высвечивает факт развития выше названных монархических тенденций, обнаруживших себя еще в ту эпоху, когда на могилах военной знати сооружались особым образом орнаментированные стелы³⁴.

Роскошная греческая керамика и бронзовые жаровни ориентализирующего типа свидетельствуют о распространении обычая дипломатической «трапезы», восходящего к ментальности иерархических обществ ранней фазы ориентализирующей эпохи. О новых чертах власти правителя М. Альмагро считает возможным говорить в связи с находками в Канчо Роано многочисленного рабочего инструментария – как аграрного, так и ремесленного. С одной стороны, этот факт свидетельствует об автаркии дворцового хозяйства, но с другой, он может иметь символическое значение, отражая стремление владыки продемонстрировать свою силу в деле контроля над ведущими сферами производства. По этой же причине он мог построить свою летнюю резиденцию за пределами oppidum.

²⁹ Ibid. P. 277.

³⁰ Ibid. P. 277. Not. 27.

³¹ Ibid. P. 273, 278. Об этом же см. *idem*. Tarteso... P. 144.

³² *Idem*. Cancho Roano... P. 294.

³³ Ibid. P. 294; *idem*. Tarteso... P. 143.

³⁴ Подробнее об этом см. *Almagro Gorbea M., Moneo T. Santuarios urbanos en el mundo ibérico*. Madrid, 2000 (*passim*).

Отсутствие *in situ* материальных свидетельств власти М. Альмагро Горбеа считает возможным объяснить тем, что обитатели дворца, спасаясь от пожара, вынесли с собой все, что относилось к религиозной сфере их жизни. Единственным «следом» он считает плохо сохранившийся постамент (столб?) из помещения 7. Он мог быть алтарем или служить основанием небольшого храма, внутри которого обитало божество, типологически близкое известному божеству из Медины де Лас Торрес (пров. Бадахос), прямой соседки Канчо Роано, или из Альборноса (пров. Севилья), и династический культ которого отправлялся во дворце. Покровительствуя династию и его семье, освящая власть династа, божество выказывало тем самым свое особое благорасположение всему обществу³⁵.

Подобная форма организации управления обществом, воплощенная в архитектурном ансамбле дворцового типа, имеет, по мнению М. Альмагро, многочисленные параллели в ближневосточном и эгейско-средиземноморском мире, хотя и остается пока что единственной для дальнего Запада. Модель, или прообраз, происходит из северосирийского региона, который своим материальным вариантом воплощения официальной идеологии династической власти весьма обогатил «финикийскую колониальную компоненту ориентализирующего периода». Эгейский мир следовал иным концепциям организации власти и места обитания ее носителя. В пределах Пиренейского полуострова ее наиболее ярким образцом является погребальный комплекс в Посо Моро, воздвигнутый в VII в. до н.э. иберами, как знак благодарной памяти своему правителю³⁶. За пределами иберийско-тартессийского мира эта модель выражения феномена монархической власти типа *regia* не является редкостью для италийско-этрusco-ского мира³⁷.

В туземном мире Пиренейского полуострова, указывает М. Альмагро, более или менее прямые аналогии отсутствуют, однако есть остатки престижной архитектуры ориентализирующего типа – святилища Ла Муэла (близ Кастуло) и большие здания в Эль Асебучаль и Альдовесте. В посториентализирующую (т.е. в собственно иберийскую) эпоху основы тартессийской дворцовой архитектуры были широко восприняты иберами. Так, в Алоносе возводится массивное жилое сооружение площадью в 375 м² и с явно выраженными атрибутами архитектуры дворцового стиля; в Тойа Пеаль дель Бессерро (пров. Хаэн) возникает ставшая знаменитой гробница *de samara heroea* со своей трехчастной структурой, а в Тосканосе – комплекс, традиционно называемый *almacén* (лавка-склад), однако по сути повторяющий базовые конструктивные элементы архитектуры финикийского дворцового стиля³⁸.

В архитектуре иберийского города V–IV вв. до н.э. получают широкое распространение монументальные капители ориентализирующего стиля, а в системе погребальных ценностей иберов быстро внедряется концепция престижа власти и высокого авторитета ее носителей; серьезно заявляет о себе идея об особой привилегированности местных аристократий. Все эти идеологические постулаты проявляют себя, как считает М. Альмагро Горбеа, в ближневосточной манере – путем сооружения монументальных погребальных комплексов (башнеобразные строения *de samara principesca* и *los heroea*) для правителей (монархов и царьков) и элиты, с одной стороны, и скромных могил для рядо-

³⁵ Подробнее см. *Almagro Gorbea. Cancho Roano...* P. 280; *idem. Tarteso...* P. 144.

³⁶ *Almagro Gorbea M. Pozo Moro. El monumento orientalizante, su contexto socio-cultural y sus paralelos en la arquitectura funeraria ibérica // MM. 1983. 24. S. 177 sqq.*

³⁷ *Idem. Cancho Roano...* P. 281–288, 295. Вывод см. на с. 284 цитируемой работы.

³⁸ *Ibid.* P. 290, 292 (resp.).

вых членов общества, с другой. Общество в целом было организовано по типу *gentilitas* с политико-религиозной властью его главы³⁹.

Взятые в совокупности, все эти конкретные характеристики дворцовой, элитарной и погребальной архитектуры позволяют М. Альмагро Горбеа прийти к выводу о серьезной иерархизации туземных (тартессийского и иберийского) обществ. Они восприняли как идею о монархической власти ориентализирующего типа, так и основы ее материального воплощения в дворцовой и погребальной архитектуре, однако не приблизились в своем развитии к городской цивилизации подобно тому, как это произошло в Греции, Этрурии и Риме. Сама эволюция протекала медленно, религиозно-сакральный характер власти владыки-тирана сохранил себя значительно дольше, законсервировав в иберийском мире отношения типа *fides* вплоть до эпохи романизации. Начиная с ориентализирующего периода, рядовые поселения Тартесса и Иберии концентрируются вокруг тех центров, где (как представляется М. Альмагро Горбеа) могли располагаться дворцы-резиденции правителей и элиты. Впоследствии эти центры могли развиваться до уровня городов-государств со священными монархиями и династическим вариантом передачи власти⁴⁰.

Рубеж 1980–1990-х годов открыл новую страницу в историко-археологическом изучении Канчо Роано, поскольку с этого времени С. Селестино, сторонник идей первооткрывателя памятника Х. Малукера де Мотеса, и его коллеги-раскопщики начали поэтапное изучение территории, примыкавшей к дворцу-святилищу. Их основная задача – поиск того городского центра, который, как предполагалось, должен был возникнуть вокруг/около столь репрезентативного комплекса и который должен был бы помочь в определении центральной функции этого сооружения. Важным звеном работ являлось также стремление обнаружить некрополь как место захоронения носителей ритуала кремации, осуществлявшегося на территории разрушенного здания⁴¹.

Итог многолетних усилий С. Селестино и его экспедиции – это признание комплекса Канчо Роано в качестве автономного сооружения, которое существовало вне связи с какими-либо поселениями. Одновременно следует отметить, что на начальном этапе его изучения исследователям казалась более вероятной идея о его принадлежности к одному из протоурбанистических центров Экстремадуры⁴². Канчо Роано был, как считает С. Селестино, «святилищем, из которого осуществлялся политический контроль над территорией, и поэтому его можно считать дворцом». В то же самое время Канчо Роано – это дворец, из которого «территория контролировалась с помощью религиозных механизмов; поэтому он являлся и святилищем»⁴³.

Территория комплекса в Канчо Роано расширялась на протяжении жизни трех поколений его обитателей⁴⁴. Наиболее ранним являлось то квадратное в

³⁹ Ibid. P. 292; *idem*. Tarteso... P. 146 sq.

⁴⁰ *Idem*. Cancho Roano... P. 292, 294 sq.; *idem*. Tarteso... P. 149–155.

⁴¹ *Maluquera de Motes J., Gracia F., Munilla G., Celestino S.* Cancho Roano. Un Palacio-Santuario del siglo V a.C. // RA. 1987. 74. P. 35–50; *Celestino S., Jiménez J.* Una ofrenda en la estancia N-4 del Palacio-Santuario de Cancho Roano // AEA. 1989. 62. P. 226–235. О их работах этого периода также см. *Celestino Pérez S.* Un complejo urbano orientalizante. La presencia del material etrusco en el ámbito de la colonización arcaica en la Península Ibérica. Barcelona, 1991; *idem*. Un centro comercial de carácter político-religioso e influencia oriental. El Palacio-Santuario de Cancho Roano. El sector Norte. Badajoz. III. Badajoz, 1993.

⁴² *Idem*. Un complejo. P. 443.

⁴³ *Idem*. Un centro comercial. 1993. P. 161.

⁴⁴ *Celestino S.* Reflexiones en torno a la construcción del santuario «A» de Cancho Roano // *Extremadura Arqueológica*. Badajoz, 1995. V. P. 76.

плане здание с большим двором в его восточной части, изучению истории которого посвятили свои работы предшественники С. Селестино и которое стало известно науке благодаря его открытию Х. Малукером де Мотесом. Однако до своего трагического конца оно было дважды и значительным образом реорганизовано. Вдоль этого здания, исключая территорию двора, была сооружена серия небольших удлиненных в плане целл-помещений. Вход в них вел из коридора – длинного, узкого (до 2 м шириной), располагавшегося на специально сооруженной для него платформе-террасе и опоясывавшего по периметру все здание. Вход в коридор осуществлялся со двора. Впоследствии этот коридор был в значительной степени разрушен при сооружении в его северной части того тementosa, который получил свое дальнейшее развитие в восточной части комплекса. От внешнего мира вновь обнаруженные помещения отделялись глухой стеной и образовывали тем самым архитектурное и функциональное единство с собственно дворцом. В общей сложности было выявлено 24 помещения – по шесть с каждой стороны основного здания, включая его восточную часть, где они появились позже и характеризуются меньшими размерами. Эти помещения не могли быть жилыми из-за своих крайне скромных размеров. К тому же они были буквально заполнены различными предметами, в массе своей интерпретируемыми как вотивные⁴⁵.

В шести северных помещениях обнаружен весьма разнообразный инвентарь, обязательно включавший группу амфор с зерном и вином, а также набор предметов из бронзы – кувшин, жаровню и вертел. Указанная комбинация находок придает помещениям культово-религиозный характер. Возможно, допускают С. Селестино и его коллеги по раскопкам, что в этих нефах-«часовенках» проходили религиозные церемонии и хранились священные дары-вотивы⁴⁶.

В шести западных помещениях, совпадающих по размерам с северными комнатами, содержался иной материал. При полном отсутствии ритуальных сосудов он изобилует предметами домашнего обихода и утвари – двумя ткацкими станками и полным набором предметов, необходимых для ткачества; в помещениях 3-3 и 3-5 обнаружены сельскохозяйственный инвентарь, гири, амфоры, греческая керамика, а в помещении 3-1 была найдена великолепная по своему качеству бронзовая скульптура. С. Селестино находит чисто поверхностным функциональное различие находок, так как по сути дела весь обнаруженный материал мог иметь отношение к тем работам, которые должны были (или могли) выполнять жертвователи в пользу своего божества и храма в тех случаях, когда/если они были лишены средств на приобретение специально изготовленных вотивов. В таких случаях они применяли ручные мельницы для помола зерна, ткацкие «наборы» для изготовления тканей и т.д. Очаги, обнаруженные в отдельных часовенках, использовались ими не столько ради приготовления пищи, сколько для обогрева помещений, ибо работы в них могли осуществляться преимущественно в холодное время года, а теплые месяцы посвящались сельскохозяйственным и иным работам *in domo*⁴⁷.

Инвентарь южных и восточных «часовенок» идентичен его западному варианту, хотя сами помещения, подвергшиеся различным разрушениям вследст-

⁴⁵ Подробности см. Ibid. P. 133; *Celestino S., Jiménez F.J., Martín A., Hernández A., Pavón J.* El Palacio-Santuario de Cancho Roano V, VI, VII, Los sectores Oeste, Sur y Este. Madrid, 1996. P. 134 sq.

⁴⁶ *Celestino et al.* Op. cit. P. 134.

⁴⁷ Ibid. P. 136.

вие строительства отводных дренажных каналов, были найдены археологами в полулачевном состоянии.

На заключительной фазе жизни комплекса значительной перестройке был подвергнут двор. Его восточная часть, ранее открытая, была оконтурена стеной; в ней обнаружен вход, к которому вело несколько высоких ступеней. Скамьи были сохранены, однако в центральной части пола, ранее аккуратно выложенного крупными плитами из шифера, был вырыт колодец пятиметровой глубины, наполнявшийся водой из Катанги⁴⁸.

В этот же период все сооружение было защищено глубоким рвом, и только узкий перешийк соединял здание с окружающим его миром. Если принять во внимание, что еще до постройки 24 часовенок по периметру центрального здания была сооружена насыпь, ниже которой они впоследствии и были размещены, а двор был фланкирован двумя помещениями-башнями, то можно допустить, что комплекс по воле его владельцев постепенно приобретал характер крепости, не меняя при этом своего фундаментального назначения.

Таковы в общих чертах основная археологическая картина и ее интерпретация, связанные с деятельностью С. Селестино. Обратимся теперь к той исторической проблематике, которая привлекла его внимание. Одна из базовых проблем связана с вопросом хронологии, абсолютной и относительной.

Комплекс Канчо Роано, будучи соотносенным – по характеру, происхождению и датировкам находок – со своим ближайшим соседом, некрополем Медельина, начал свою жизнь в V, а возможно, даже во второй половине VI в. до н.э. и приблизительно в 400 г. был разрушен. За немногим более чем столетие он пережил три фазы, последовательно сменившие друг друга без каких-либо археологически фиксируемых перерывов во времени и изменений в планировке центрального помещения 7. И здесь начинается та сенсация, которую как бы предчувствовал Х. Малукер де Мотес и которую обнаружил С. Селестино. Она кроется в наличии у комплекса Канчо Роано (Канчо Роано – «А», по Селестино) двух предшественников – туземных святилищ «В» и еще более древнего – «С»⁴⁹. От храма «С» сохранилась лишь часть главного помещения с полом, хорошо утрамбованным и покрытым известью, перемешанной со штукатуркой, а также со ступенчатым по форме алтарем, чье основание напоминает распластанную бычью шкуру. Алтарь был выложен из трапецевидных по форме плит и покрыт слоем белой извести. Свободные пространства между каждой парой камней, оставшиеся в нижней части кладки, были заполнены каким-то специальным образом замешанной глиной красноватого цвета. Пол помещения «С» был этого же цвета, равно как и стены, остатки которых сохранились на высоту 0,20 м. Несмотря на серьезные разрушения алтарь, как считает С. Селестино, вполне может быть реконструирован с целью его дальнейшего изучения⁵⁰.

После разрушения помещения «С» его остатки были выровнены и стали террасой, на которой затем было воздвигнуто здание «В». Его главное помещение значительным образом превосходило предыдущее по своим размерам (70 м²), но при этом сохранило его ориентировку со входом с востока (что было воспроизведено впоследствии при строительстве помещения 7 Канчо Роано

⁴⁸ Ibid. P. 138.

⁴⁹ *Celestino S.* Los altares en forma de «lingote chipriota» de los santuarios de Cancho Roano // REI. 1994. I. P. 300; *idem.* El período Orientalizante en Extremadura // Extremadura Arqueológica. 1995. IV. P. 67 sqq.

⁵⁰ *Idem.* El período Orientalizante... P. 80.

«А»). В его центральной части был сооружен алтарь, имевший в основании форму растянутой бычьей шкуры и повторявший размеры и ориентировку алтарного сооружения из здания «С». Он располагался на полу ярко-красного цвета, был выложен из гальки, обожженной глины и битой керамики, покрыт слоем белой извести и сохранил остатки золы. Само помещение «В» было сооружено из зеленовато-серого кирпича-сырца и имело стены, покрытые толстым слоем штукатурки. Подобно своему предшественнику, святилище «В» было разрушено, из его остатков была сооружена насыпь 1,6 м высотой, а на ней возведен комплекс сооружений Канчо Роано «А», чье центральное помещение 7 было расположено над двумя более древними святилищами и, вероятнее всего, впоследствии послужило фундаментом для сооружения на нем, на уровне второго этажа комплекса, нового святилища⁵¹.

Сенсационность факта использования единого пространства для последовательного возведения трех значительных по своим масштабам святилищ требует остановиться и на специфичности формы алтарей из туземных святилищ «В» и «С». Сама по себе эта форма для туземной культуры не является редкой. Начиная с ориентализирующей эпохи, тартессии использовали ее в ювелирном деле: вспомним хотя бы пекторали из Эль Карамболо, диадему и серьги из клада Кортихо де Эвора, золотые пластины из Пахареса с 22 бычьими шкурами, воспроизведенными в технике зернения, или диадему из клада финикийского поселения Пенья Негра, центральный фриз которой также украшает изображение бычьей шкуры⁵². С другой стороны, эта же самая форма получила распространение в погребальной архитектуре южных регионов Пиренейского полуострова. М. Альмагро Горбеа отметил, что она воспроизведена, в частности, в основании-пьедестале монументального погребального памятника Посо Моро (пров. Альбасете) 600-х годов до н.э.⁵³ К этому же времени восходит захоронение с насыпью в виде бычьей шкуры из Вильяреса (пров. Альбасете), сооруженной из зеленоватой глины и покрытой белой штукатуркой. К несколько более позднему периоду относится некрополь Кастильехо де Лос Баньос (пров. Мурсия), где также вскрыто захоронение подобной формы и с покрытием идентичного типа и цвета.

Если принять гипотезу о том, что бычья шкура являлась символом власти и могущества еще на Крите и в землях, связанных с ним во времени и пространстве, то можно было бы отнести к этим землям южные и юго-восточные регионы Пиренейского полуострова. Однако принятию этой версии препятствует тот временной интервал, на протяжении которого этот символ успел исчезнуть везде, кроме Испании и Южной Португалии. Воспроизводит ли он здесь свой древнейший восточномедиземноморский смысл – власть и могущество всех тех, кто являлся собственником выше перечисленных драгоценностей либо был захоронен в могилах идентичной формы? Если это так, тогда какую связь имеет этот символ с формой алтарей из туземных святилищ «В» и «С» комплекса Канчо Роано? Не были ли они воздвигнуты в честь тех божеств, которые в тартессийском пантеоне являлись носителями верховной власти и особого могущества и которые трактовались тартессиями в качестве заступников-покровителей в потустороннем, загробном мире?

⁵¹ *Idem*. Los altares... P. 304.

⁵² Подробности см. *Ibid.* P. 305.

⁵³ Подробнее см. *Ibid.* P. 305–306.

Трехступенчатый характер эволюции комплекса весьма показателен в свете вопроса о том, как развивалась тартессийская периферия в протоориентализирующую, собственно ориентализирующую, а также в последовавшую за ними эпохи⁵⁴? Если помещение «С» целиком относится ко временам самостоятельной истории туземцев и к их исконным религиозным верованиям, то «В» начинает свою жизнь в период интенсификации контактов тартессиев побережья с обитателями тех глубинных территорий, которые располагали стратегически важными природными ресурсами – плодородными и удобными для выпаса скота землями, богатыми недрами, лесами и т.д. Тартессийские агенты-посредники проникают в туземную среду и устанавливают деловые отношения с теми, кто руководит жизнедеятельностью туземных обществ, – царьками и служителями культа. Ответный интерес воплощается по-разному, в том числе и путем создания таких святилищ, которые берут на себя роль патронов и арбитров во все усложнявшейся сфере деловых контактов со своими «клиентами». К числу таких святилищ вполне можно отнести комплекс Канчо Роано «В». Сохранив свою основную функцию, он в то же время весьма расширил территорию и отвел ее часть для вспомогательных – по отношению к культовой – операций (хозяйственной и административно-социальной). На первых порах он не извлекал каких-либо заметных материальных выгод, если исключить сам факт сооружения именно в это время нового здания, потребовавшего, безусловно, поиска и добычи средств на его строительство и обслуживание.

В собственно ориентализирующий период по стопам тартессийских агентов приходят западнофиникийские. Они проецируют на Гадес и другие прибрежные центры систему своих взаимоотношений со стратегически особо выгодными туземно-тартессийскими центрами. В местах, отдаленных от побережья, особую роль начинают играть построенные явно с участием этих пришельцев святилища, функциям которых придается все более прагматичный, «земной» характер. Одним из таких святилищ вполне может являться Канчо Роано «А», возникшее в середине VI в. до н.э. Оно было возведено в том месте, откуда финикийцы начинали транспортировку приобретенных товаров в свои морские порты. Система дорог этого времени⁵⁵, существенным образом изменившая свою географию, может служить хорошим подтверждением выше изложенного тезиса. Известно, что в предтартессийский период основные транспортные артерии проходили по более западным землям, минуя тем самым Канчо Роано⁵⁶. Однако уже в VII в. до н.э. появляются их ответвления, включившие в свою орбиту комплекс «В». Следующее столетие характеризуется возникновением большого количества туземных центров – производителей металлов (типа Эль Медельин и Лос Пахарес), к которым должны были быть найдены новые подступы, и сеть дорог не только все более разрастается, но и по-новому структурируется: наряду с многочисленными локальными, возникает тот путь, который берет свое начало в Пласенции (Месета), проходит через Канчо Роано и завершается в устье Гвадианы⁵⁷.

⁵⁴ Хронологию см. *Almagro Gorbea M.* El período orientalizante en Extremadura. Coloquio «La cultura tartésica y Extremadura» // Cuadernos Emeritenses. 1991. 3. P. 85–25.

⁵⁵ О них см. *Rodríguez Díaz A.* El «problema de la Beturia» en el marco del poblamiento proto-histórico del Guadiana Medio // Extremadura Arqueológica. 1995. V. P. 154–158.

⁵⁶ См. *Ibid.* P. 157. Fig. 7.

⁵⁷ *Alvárez Rojas A., Gil Montes J.* Aproximación al estudio de las vías de comunicación en el primer milenio antes de Cristo en Extremadura // Trabajos de Prehistoria. 1988. 45. P. 305–316.

Новая организация деловых контактов туземцев со средиземноморским миром, исключившая (после кризиса 600-х годов до н.э.) из участия Тартессиду и установившая вариант прямых связей туземных производителей – собственников – поставщиков с теми средиземноморскими агентами, которые были заинтересованы в их продукции, ввела в число последних, наряду с западными финикийцами, греков Массалии, Великой Греции и Малой Азии, а также этрусков, иберов из восточных регионов Пиренейского полуострова и обитателей атлантического побережья. Материальные следы их пребывания локализуются всегда однозначно – в местах функционирования туземных рынков. Много их и в Канчо Роано «А», особенно третьей фазы его истории (последняя треть V – начало IV в.).

Особого внимания заслуживает вопрос о руководстве все более усложнявшимися отношениями в социально-экономической сфере. Традиционно считается, что это руководство осуществлялось царьком-династом, постоянно обитавшим в Канчо Роано либо находившимся в нем в периоды ведения наиболее активной торгово-посреднической деятельности. Не отрицая вероятности такого мнения, хотелось бы высказать и свои соображения.

Архитектура комплекса в Канчо Роано любого периода его истории не включала, как кажется, помещений для постоянной жизни правителя высокого ранга и его домочадцев. Северо-западный сектор мог быть не столько обитаемым, сколько местом застолий, снабженным необходимыми для отдыха комнатами. Центральная из них могла принадлежать царьку как организатору деловой жизни и связанных с нею пиршеств. В юго-западной части комплекса действительно могли находиться склады, лавки и различные административные помещения, а в центре его западного сектора, на месте святилищ «С» и «В» (т.е. под святилищем «А»), возможно, располагалась сокровищница. При такой интерпретации становится объяснимым наличие длинного вестибюля, который мог служить звеном, связывавшим все три части здания как между собой, так и с внешним миром, т.е. с большим двором, снабженным портиком и скамьями. Он мог быть предназначен для общения руководителя всего сообщества с теми царьками – *reguli*, которые являлись главами автономных в сфере каждодневной хозяйственной жизнедеятельности структур (единиц), но нуждались в сотрудничестве, когда речь заходила о максимально выгодной реализации результатов труда своих подданных. Необходимыми были для них также покровительство верховного божества и святилище с его сокровищницей и вотиварием; поэтому они готовы были находить средства как для поддержания в сохранности и порядке храмового комплекса, так и для организации верховного культа.

Таким образом, вполне возможно, что мы имеем дело со своеобразной политико-религиозной амфикинией, чьей резиденцией и одновременно храмом являлся комплекс в Канчо Роано. С окончательным падением такой формы организации жизни туземных обществ и примкнувших к ним иноземных образований прекращает свою жизнь и сама резиденция. Одновременно получает свое объяснение и тот установленный археологией факт, что комплекс Канчо Роано был подвергнут пожару изнутри, т.е. по воле главы союза и его окружения, включая жрецов. Предварительно были вынесены предметы религиозного культа, святыни, архивы; замурована входная дверь комплекса, а затем подожжен второй этаж, где находились храм, галерея и террасы, использовавшиеся во время совершения ритуальных действ. Сохранившиеся от гибели атрибуты власти могут свидетельствовать о перемещении самой власти в другое место и

о стремлении воспроизвести, пусть и в модифицированном виде, хорошо усвоенный вариант организации социально-экономических и политико-религиозных взаимоотношений.

Что послужило источником модификаций и их питательной средой?

Этот важный вопрос также находит свое хотя бы частичное отражение в археологии Канчо Роано «А-3». Начиная с IV в. до н.э., она широко представлена керамикой типа *Campona* и других посттартессийских центров Турдетании и Иберии, с одной стороны, и предметами вооружения кельтско-атлантического происхождения, с другой. Вероятно, новые ориентиры были связаны с началом контактов обитателей комплекса с континентальными обществами Западной Европы и с самоизоляцией местных образований от пунийцев южной части Пиренейского полуострова. Такая логика приводит к мысли о том, что гибель комплекса Канчо Роано «А-3» и прекращение в нем жизни были спровоцированы южанами, в своих устремлениях к верховенству вышедшими, вероятно, за рамки установленных норм. Они внесли дисгармонию в хорошо отлаженные отношения и потеряли, таким образом, дружбу и доверие своих туземных партнеров, а также и те выгоды, которые были с ними связаны. В этом контексте можно считать, что Турдетания, возникшая как самый крупный «осколок» Тартессиды, сохранила в себе ее, т.е. тартессийско-туземное, ядро, но при этом значительно обогатила его кельтско-атлантической компонентой. Именно в это время, на рубеже V–IV вв., к западу от Канчо Роано возникает ряд новых более или менее крупных сооружений, из которых наиболее показательным является святилищный комплекс в Торрехоне де Абахо (пров. Касерес). В его внутренней планировке археологи выделяют два сектора – место культа и торговую зону, а в ближайшей округе ими зафиксировано наличие синхронно существовавшего туземного поселения, которое располагалось на холме. В 30 км к западу от Канчо Роано вскрыты руины еще одного центра этой же эпохи, Ла Мата. Другой угол треугольника был спроецирован, скорее всего, на север, в направлении современных Авилы и Саламанки: так, в Лас Пахарес уже обнаружены остатки монументального сооружения.

Все это – очевидные следы возрождения прежней жизни туземных обществ, но приобретшей другие географические очертания, а также иные источники и способы ее выражения. Таким образом, в то время как восточная часть Тартессиды все более испытывала процесс иберизации⁵⁸, ее западная постепенно открывалась для воздействия атлантических народов Пиренейского полуострова и континентальных кельтов. В этом видится основное, знаковое отличие культуры Турдетании и Иберии.

Последняя из ныне известных страниц истории комплекса в Канчо Роано связана, пожалуй, с попыткой обнаружения его внутренних, локальных аналогий, которые могли располагаться как в бассейне Гвадианы, так и в ареале распространения тартессийско-иберийской культуры вообще⁵⁹.

Х. Хименес Авилы, бессменный участник археологической экспедиции С. Селестино и соавтор его основных научных публикаций, подверг обследованию,

⁵⁸ Из новейшей литературы об этом см. *Aguayo de Hoyos P., Adroher Aurox A.M. El mundo ibérico en la Alta Andalucía. Plantamientos, presentación y futuro de la investigación arqueológica // Majnaks. 2002. P. 5–37.*

⁵⁹ Подробнее археологическую характеристику этих центров см. *Celestino. El período Orientalizante... P. 81 sqq.; Celestino S., Fernández Freire C. y Walid Sbeinati S. La Funcionalidad de Cancho Roano // Cancho Roano IX: Los Materiales Arqueológicos II / Ed. S. Celestino. Mérida, 2003. P. 293–356; Moneo T. Santuarios ibéricos. Madrid, 2003.*

описанию, каталогизации и изучению все более или менее значительные по площади сооружения, располагавшиеся в среднем течении Гвадианы в посториентализирующую эпоху, чтобы таким образом проверить, насколько они соответствуют выработанному им представлению о монументальном комплексе. Х. Хименес Авила понимает под ним «комплекс зданий, органически связанных между собой, которые по своему размеру, а также по затратам времени и труда на строительство очевидным образом превосходят стандарты современной им архитектуры» и «вне зависимости от своего первоначального назначения всегда преследуют пропагандистские цели»⁶⁰. Исследователю представляется, что из восьми сооружений, известных в настоящее время в среднем течении Гвадианы, только Канчо Роано в полной мере соответствует понятию дворца или дворца-святилища, хотя он не исключает возможности и того, что под высокими и большими в диаметре холмами, располагающимися поблизости от реки, покоятся руины других подобных строений⁶¹.

В качестве подъемного материала из стратиграфических разрезов всегда привлекаются амфоры типа Cancho Roano, греческая керамика IV в. до н.э.⁶², бронзовые гирики «модуля» Канчо Роано⁶³, а геостратегическая ситуация целиком аналогична комплексу в Канчо Роано. Подобно ему, вновь обнаруживаемые строения также лишены прямой «привязки» к каким-либо поселениям тартессийской или посттартессийской эпохи, хотя, как отмечает Х. Хименес Авила, в двух случаях их прямыми соседями являются некрополи⁶⁴, которые должны были быть связаны с какими-то населенными пунктами. Эти конкретные наблюдения приводят археолога к выводу о том, что если Канчо Роано перестанет считаться единственным в своем роде сооружением, то и в этом случае оно не перейдет в категорию городских или пригородных монументальных комплексов⁶⁵. К тому же пример Торрехона де Авахо, связанного с протогородским центром Эль Риско и характеризующегося значительно меньшими размерами и монументальностью, по мнению Х. Хименеса Авилы, «только оттеняет особенности архитектуры крупных комплексов сельского типа, количество остатков которых может со временем все более возрастать». Исследователь склонен отнести эти сооружения к разряду постоянно действовавших резиденций; они не могли быть временными, т.е. летними, поскольку в их прямой округе отсутствуют какие-либо более или менее крупные центры типа oppida, где могли бы располагаться «главные» жилища их владельцев. Наличие некрополей, по его предположению, может лишь подкреплять этот вывод⁶⁶.

Сформулированный таким образом вариант интерпретации археологических фактов позволяет Х. Хименесу Авиле существенно обновить ставшее традиционным представление о Канчо Роано как о дворце-святилище, являвшемся собственностью какого-то тартессийского правителя, наделенного верховной властью одновременно как светского, так и религиозного характера. Комплекс в

⁶⁰ Jiménez Ávila J. Cancho Roano y los monumentos postorientalizantes del Guadiana // Complutum. 1997. 8. P. 141–160; о них также см. *Almagro Gorbea M., Moneo T. Santuarios urbanos en el mundo ibérico*. Madrid, 2000; *Moneo T. Santuarios ibéricos*. Madrid, 2003.

⁶¹ Jiménez Ávila. Op. cit. P. 144.

⁶² García Alonso F. Las cerámicas áticas del palacio-santuario de Cancho Roano // Cancho Roano IX: Los Materiales Arqueológicos II / Ed. S. Celestino Pérez. Mérida, 2003. P. 299–356.

⁶³ García Bellido M.-P. Los ponderales y sus funciones económica y religiosa // Cancho Roano IX. P. 125–157.

⁶⁴ Jiménez Ávila. Op. cit. P. 144, 147.

⁶⁵ Ibid. P. 147.

⁶⁶ Подробнее см. Ibid. P. 148.

Канчо Роано, как и ему подобные из археологически фиксируемых ныне в долине Гвадианы, должен был принадлежать человеку, связанному с руководством аграрной деятельностью, чьи хозяйственные усилия концентрировались бы вокруг производства зерна и его переработки. Х. Хименес Авила не отрицает возможности того, что владелец такого крупного комплекса, каким был Канчо Роано, мог осуществлять также и сбор налогов, администрируя и инспектируя тем самым процесс организации сельскохозяйственного производства и первичной обработки его продукции в подведомственной зоне⁶⁷.

Отдельно останавливается Х. Хименес Авила на вопросе о торговой деятельности владельца комплекса в Канчо Роано. Вопреки единодушному мнению своих коллег, автор считает, что это сооружение не было предназначено для ведения сколько-нибудь крупной торговли ни с точки зрения архитектуры, ни по количеству запасов, ни по местоположению. Не занимались ею и иные из известных комплексов средней Гвадианы. Обнаружение чашечек от весов и наборов гирь из бронзы и свинца также не служит однозначным аргументом «про», поскольку эти предметы могли символизировать характер власти собственника Канчо Роано, которая вобрала в себя и судебно-юридический компонент, либо использоваться с целью контроля веса продукта в случаях спора и разногласий; с другой стороны, указывает Х. Хименес Авила, гирьки могли послужить и основой для разработки еще более дробных единиц измерения⁶⁸. В конечном счете исследователь приходит к выводу о том, что владелец комплекса строил свое благополучие на организации сельскохозяйственного производства в непосредственной близости от Канчо Роано, на сборе налогов и административно-арбитражной деятельности. Комплекс не был центром, где осуществлялась торговля, а являлся заключительным звеном той цепочки, по которой произведенная сельскими тружениками продукция поступала в руки ее верховного владельца-собственника. В то же время хозяин вполне мог направлять ее излишки в те торговые пункты южного побережья, с которыми он был связан и из которых они отбывали в Великую Грецию, Аттику и Восточное Средиземноморье⁶⁹.

Вполне возможно, что власть первых собственников комплекса Канчо Роано воспринималась в качестве священной, покровительствуемой самим верховным божеством, который имел свою символику и которому были отведены специальные помещения. Впоследствии же все более очевидной становится тенденция к секуляризации и сеньориализации власти. Более чем скромное присутствие в Канчо Роано «А-3» предметов вооружения может отражать попытку сеньоров создать собственные воинские объединения, которая завершилась, однако, неудачно, если вспомнить историю гибели комплекса. Власть правителя, обитавшего в Канчо Роано, была выше той, которая принадлежала собственникам других комплексов подобного типа из района средней Гвадианы и с которыми он имел персональные отношения, не нуждавшиеся ни в их юридическом оформлении, ни даже в использовании письма для ведения сделок и каких-либо иных расчетов⁷⁰.

Х. Хименес Авила считает необходимым подчеркнуть, что собственники сельских комплексов средней Гвадианы принадлежали к элите туземных обществ; они не имели ничего общего с финикийцами и даже не могли быть выходцами из смешанных пунийско-иберийских кланов. Опорой автору служит фрагмент из I книги Царей (7. 13), где говорится, что результатом связи фини-

⁶⁷ Ibid. P. 148–149.

⁶⁸ Ibid. P. 149–150.

⁶⁹ Ibid. P. 152–153.

⁷⁰ Ibid. P. 153.

кийца и израильянки является рождение финикийца, а также тот известный археологии факт, что пунийцы и иберы, хотя нередко и обитали на едином пространстве, но всегда хорошо разделяли его и строго регламентировали свои взаимоотношения. Х. Хименесу Авиле представляется весьма искусственной идея о внутренней пунийской колонизации Пиренейского полуострова, да к тому же зоны, которая была значительно удалена от побережья и крайне слабо связана с ним. В подтверждение он указывает, что даже Карфаген времени своего наивысшего расцвета, не говоря уже о Тире и Сидоне, при осуществлении своей территориальной экспансии всегда принимал во внимание фактор близости к побережью интересовавших его земель и возможность налаживания с ними прямых контактов.

В качестве особого случая Х. Хименес Авила рассматривает прибрежный район Крус дель Negro, где финикийцы действительно пустили глубокие корни и, обосновавшись там еще в эпоху архаики, смогли придать ориентализующий характер местной цивилизации. Финикийские и пунийские ремесленники могли находить пристанище в резиденциях средней Гвадианы, однако в условиях аграрной ориентации их туземных собственников жизнь и деятельность иноземцев должна была носить изолированный и к тому же строго регламентированный характер. Туземные *reguli* прибегали к их услугам лишь в тех случаях, когда нуждались в выполнении особо квалифицированных работ, таких, например, как строительство монументальных комплексов-резиденций типа Канчо Роано⁷¹.

Таким образом, исследование Х. Хименеса Авилы, задуманное в качестве сугубо археологического, переросло свои рамки и вылилось в подлинном смысле слова в историческое, поставившее на базе археологии монументальных комплексов Южной Экстремадуры такие актуальные проблемы социально-экономической и политической истории Тартессиды эпохи угасания ее могущества, как характеристика основных производств и структура их организации; ведущие формы собственности и их особенности; власть, авторитет и могущество туземных правителей; город – деревня и характер их взаимоотношений; религия и ее роль в организации системы управления; центр – периферия и характер контактов; туземные общества – иноземные «кланы» и их связи; тартессии и турдетаны как разные, но последовательно связанные туземные сообщества; ориентализация и ее масштабы в пределах Тартессиды; кельтизация и атлантизация центральных и периферийных регионов тартессийского мира. Охват Х. Хименесом Авилей такого широкого диапазона проблематики, свежесть его взглядов и выводы стали возможными благодаря использованию системного подхода. Будучи бессменным раскопщиком Канчо Роано последнего периода его изучения, автор смог свести в единую, динамичную систему не только собственное практическое знание, но и опыт теоретического осмысления того археологического багажа, который был накоплен в изучении Канчо Роано его предшественниками. С другой стороны, ведя в 1990–2000-х годах систематические раскопки в Эль Туруньюэло де Мерида, Х. Хименес Авила аккумулировал в своем исследовании знания об иных монументальных комплексах-резиденциях Гвадианы, а в поисках ответа на вопрос о характере и исторической миссии Канчо Роано он воспользовался новыми подходами к оценке местных и западнофиникийской культур с точки зрения их взаимодействия. К тому же ему фактически удалось избежать соблазна механического переноса прямых восточносредиземноморских влияний на столь динамично развивавшийся истори-

⁷¹ Ibid. P. 154.

ко-культурный феномен, каковой была Тартессида со всем ее гетерогенным полуостровным окружением.

Совместная работа М. Альмагро Горбеа и Т. Монео, посвященная иберийским святилищам и их типологии⁷², может служить большой помощью в определении характера и роли комплекса Канчо Роано, так как в ней изложена схема выделения особенного, специфичного в трех типах святилищ: 1. Городских и пригородных. 2. Сельских, наиболее интересных для нас в свете рассматриваемого предмета. Сопоставляя эти святилища между собой, авторы стремятся приблизиться к пониманию основной функции комплекса Канчо Роано. 3. Святилищ иберов, которые принадлежали к более сложно структурированным туземным обществам, чем континентально-периферийные тартессийские, олицетворенные комплексом Канчо Роано.

Что касается общего, объединяющего иберийские святилища и Канчо Роано, то оно, на наш взгляд, крайне незначительно. Менее всего оно проявляет себя в паре с династическими святилищами, имевшими разветвленную систему жилых и связанных с ними помещений, и с городскими святилищами, ориентированными на организацию культа и его исполнение. Трудно сопоставлять их и с пригородно-портовыми, которые были призваны обслуживать потребности торгово-посреднической деятельности иберов и их весьма многочисленных партнеров. Наибольшую близость комплекс Канчо Роано обнаруживает с монументальными сооружениями сельского типа древней Иберии, которые служили одновременно целям как светской, так и религиозно-идеологической жизни туземных сообществ, и остались вне исследовательского интереса М. Альмагро Горбеа и Т. Монео.

Подводя итоги археологического исследования комплекса Канчо Роано, необходимо отметить в первую очередь, что инициаторами этого изучения был избран единственно верный, индуктивный путь: от стратиграфического изучения самого комплекса через последовательное расширение территории обследования к выяснению таких важных для историка вопросов, как взаимодействие объекта с пространством и модель его использования. Избранная археологами методология привела их к следующим выводам:

1. Комплекс Канчо Роано – сложное сооружение, на первом этапе вобравшее в себя опыт по крайней мере двух туземных поколений в деле возведения святилища-храма для его последующего использования в организации культа верховного божества, покровителя жизни и смерти (конец эпохи бронзы, т.е. VII – первая половина VI в. до н.э.).

2. На втором этапе своей истории комплекс увеличивает территорию, подвергается тотальной перестройке, но сохраняет при этом свой центральный неф на месте прежнего святилища. В этот период (вторая половина VI – конец V в. до н.э.) комплекс украшается новыми архитектурными элементами и, следовательно, приобретает новые функции – как хозяйственно-административные, так и идеолого-пропагандистские.

3. В начале IV в. до н.э. он подвергается пожару, намеренно спровоцированному теми, кто владел этим сооружением. На его месте возникает некрополь с кремацией в качестве основного погребального обряда.

Историки конца 1970 – середины 1990-х годов последовательно развивали тезис о дворцово-святилищном характере комплекса Канчо Роано, обсуждая при этом долю того и другого компонентов и выясняя основную доминанту развития самого комплекса. В подходе к проблеме они всегда использовали принцип

⁷² См. прим. 60, а также *Moneo T. Santuarios ibéricos*. Madrid, 2003.

линейности – от прототартессийского святилища через ориентализирующий комплекс (трактуя его как собственно тартессийский) к посттартессийскому дворцу-крепости со своим собственным династическим святилищем, по мнению одних, либо к дворцу-рынку с собственным храмом, по мнению других.

С 1996 г. появляются работы, авторы которых стремятся к десакрализации комплекса и к обоснованию его роли в «статусе» резиденции сельского тиша, принадлежавшей главе одного из господствовавших в туземном мире Экстремадуры кланов. Эта резиденция была постоянно обитаемой и одновременно служила хозяйственно-административным целям. Как таковая имела свое святилище⁷³.

Не преуменьшая заслуг современной испанистики, считаю возможным высказать в подкрепление и развитие к уже сформулированным в тексте и другие свои соображения. Они строятся на непосредственном знакомстве с памятником, на знании основной литературы, прямо или опосредованно относящейся к теме, а также на позиции нейтралитета, на принципе непредвзятости и системности подхода к предмету исследования. Осевой, стержневой функцией столь сложного комплекса, каковым, вне всякого сомнения, является Канчо Роано, должна была быть религиозно-идеологическая. Для ее осуществления туземцами-прототартессийцами было построено святилище «С». В нем практиковался культ верховного божества в его синкретическом, дихотомически нерасчлененном, мужеско-женском варианте, земной инкарнацией которого являлся бык-корова, а основным символом – бычья (коровья) шкура. Замкнутость комплекса и герметичность его архитектуры, а также цветовая гамма интерьера и культовых сооружений (алтарей, пьедесталов) свидетельствуют о вере в сверхвозможности божества, о его власти над универсумом в его земном, подземном и небесном варианте. Ориентировка сооружения на восток придает божеству солярные черты. Отсутствие в комплексе жилых помещений однозначно свидетельствует о его принадлежности исключительно богу и о том, что жречество как сословная группа еще не существует; культ отправляется сообща и под руководством главы сообщества.

В тартессийскую эпоху, когда роль предводителя – наставника в духовной жизни – возрастает и начинает передаваться по наследству, потребовалась перестройка святилища. Оно было возведено на месте прежнего и с полным сохранением ориентировки алтарного, т.е. собственно храмового, зала, но с одновременной пристройкой вспомогательных помещений – как хозяйственных, так и жилых. Следовательно, власть главы ведущего клана приобретает сакральный характер. Он проводит в святилище больше времени, чем его предшественники, служа как интересам культа, так и насущным потребностям возглавляемого им сообщества, администрируя производственную деятельность, решая вопросы распределения, выступая верховным арбитром в разного рода общественных и индивидуальных конфликтах.

В посттартессийский период жизнь туземных обществ северо-западной части Тартессиды серьезным образом усложнилась, поскольку вследствие раскола центральная власть переместилась в регионы и стала персонифицироваться с главами наиболее богатых и авторитетных кланов. Местами их обитания служили сугубо сельские территории типа Лос Туруньюэлоса, Ла Маты и др., а сами резиденции были довольно скромными сооружениями, хотя и выделявшимися из общего жилого массива. На северо-западной окраине Тартессиды их рас-

⁷³ Наиболее значительной из них, своего рода знаковой, следует считать, безусловно, работу С. Селестино (*Celestino S. Los santuarios de Cancho Roano. Del Indigenismo al Orientalismo arquitectónico // Arquitectura Oriental y Orientalizante en la Península Ibérica / Ed. D. Ruiz Mata, S. Celestino. Madrid, 2001.* Вышеуказанная идея развивается автором на с. 53–54 цитируемой работы.

копано по крайней мере семь. Главы кланов не могли не быть связанными между собой, поскольку они осуществляли господство не просто над сопредельными землями, но всегда являвшимися «лакомыми кусочками» для иных сообществ – иберов, кельтов, финикийцев, пунийцев, греков. Связи между соправителями этих земель осуществлялись, по-видимому, на основе преданности и подчинения главе наиболее авторитетного и могущественного клана и находили свое воплощение в собраниях для обсуждения важных дел, презентациях, организации культа и застолий. Всем этим целям мог служить специально сооруженный на совместные средства дворец. Его архитектором был образованный тартессий, хорошо знавший свое ремесло и не боявшийся экспериментировать как с формами, так и с пространством.

Военизация образа жизни, связанная с падением центральной власти и ее институализацией на местах, со стремлением кельтов и наиболее развитых полуостровитян воспользоваться трудностями переходного периода, потребовала перестройки дворца. В последней четверти V в. до н.э. он приобретает черты крепости, не теряя при этом своей функции служить центром союза туземных кланов, т.е. быть своего рода столицей религиозно-политической амфикистии, – хотя и не классической, строившейся, как известно, на объединении полисов, а периферийной, где деревня продолжала играть свою ведущую роль.

Не выдержав испытаний нового времени, выдвинувшего на главенствующую роль *oppida* и *castra*, комплекс в Канчо Роано, как, впрочем, и синхронные ему резиденции глав турдетанских кланов южной части Экстремадуры, погиб в пожаре, хотя сакральный характер этого места не был предан забвению и впоследствии оно стало использоваться туземцами для своего некрополя. Однако это были уже иные туземные сообщества, они все более укрепляли свою самостоятельность и отдавали предпочтение контактам с иберами, кельтами и другими обитателями внутренних районов Пиренейского полуострова, а не прибрежных зон с их сильно выраженной средиземноморской компонентой и морским вектором развития.

THE COMPLEX CANCHO ROANO IN THE LIGHT OF MODERN ARCHAEOLOGY: RESIDENCE OF THE TARTESSIAN RULER OR FORTRESS-SANCTUARY?

V. I. Kozlovskaya

In the light of modern archaeological research, which went over from practical stratigraphical study of the complex of Cancho Roano to the method of continuous widening of the territory and clearing up the question of interaction between the object and space, one may say that the axe function of the complex during the whole of its existence was religious and ideological. In the Proto-Tartessian period this function was carried out by a small indigenous sanctuary C with a cult of the Supreme Deity, the Bull. In the orientalizing Tartessian period a number of auxiliary buildings B was attached to the enlarged temple C. This can mean that the head of the indigenous community, who was at the same time its religious leader (*regulus*), spent much time at Cancho Roano serving the interests of the cult and meeting the earthly needs of his community. In the post-Tartessian period, when the central authority declined, the heads of local communities, connected by friendship and fidelity to the most authoritative ruler, needed a palace for regular meetings in order to solve together the most vital common problems under the auspices of the Supreme Deity. Cancho Roano A could well serve for such purposes. In the last quarter of the 5th century BC this palace-sanctuary acquired some characteristics of a fortress, but unable to stand the ordeals of time it perished in a fire as well as other contemporary residences of local kings.